

МЕДВЕЖИЙ КРАЙ

Дарья
Кузнецова

МОСКВА

МЕДВЕЖИЙ КРАЙ

Дарья
Кузнецова

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К89

Иллюстрация на переплете
и внутренние иллюстрации – *Panda*
Идея оформления *Ольги Есиной*
Оформление серии *Екатерины Петровой*
Редактор серии *Анастасия Осминина*

Кузнецова, Дарья Андреевна.

К89 Медвежий край : [роман] / Дарья Кузнецова. –
Москва : Эксмо, 2025. – 416 с.

ISBN 978-5-04-210928-7

За лёгкую работу большого жалования не положат!
Эту простую истину Антонина Бересклет вспомнила
слишком поздно, когда ее уже направили из Петрограда
в самое сердце далекой Чукотки. Впереди ее ждет год в
деревенском доме, среди странных нравов и суровой
красоты тундры. Антонине предстоит расследовать таин-
ственные смерти людей и использовать свой дар, чтобы
раскрыть преступление. Вместе с ней по следу убийцы
идет уездный исправник, хмурый Сидор Березин, ко-
торого чукчи не просто так называют Умки – белым
медведем. Выдержит ли городская девушка или сбежит
сразу, как сойдет снег?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Кузнецова Д.А., 2025
© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-210928-7

Оглавление

- Глава 1. Етти! Гым тыпкиргъэк Петроградгыпы. —
«Здравствуйте! Я приехал из Петрограда» (чукотск.)... 7
- Глава 2. Гым нымигчирэтигым инэнмэлевэтылын. —
«Я работаю врачом» (чукотск.)... 39
- Глава 3. Ръэнут тылыркын? —
«Что случилось?» (чукотск.) ... 73
- Глава 4. Гым тырэгьюленн'ыркын вэтгавык
лыгъоравэтльамэл — «Я хочу научиться говорить
по-чукотски» (чукотск.)... 111
- Глава 5. К'ыяалытгытык гымык. —
«Пойдёмте со мной» (чукотск.)... 146
- Глава 6. Гынин варкыт чычеткинэт? —
«У тебя есть родные?» (чукотск.) ... 181
- Глава 7. К'ыркургын мэлевичгын аптекак. —
«Купите лекарство в аптеке» (чукотск.)... 215
- Глава 8. Виин кымачыатчагэ. —
«Вам придётся подождать» (чукотск.)... 248
- Глава 9. Пинэн'у тывэкэлик'эй — к'ыетги морыкы. —
«Получите повестку — придёте к нам» (чукотск.)... 282

Оглавление

Глава 10. – Гыт микигыт? – Гымнин нынны Эрыквын. – «Как тебя зовут?» – «Меня зовут Стучащий Камень» (чукотск.)	317
Глава 11. Воск'ычгавкы этлы н'аргын эк'улильыр'укуылын: пук'ынчитэ нарай'онтык. – «Вечером не кричите на улице: злые духи слышат» (чукотск.)	349
Глава 12. Ынан мытрэ'льув'ылгылгэ пэтле. – «Мы увидимся скоро» (чукотск.)	380
Эпилог. Н'отк'эн гымнин яран'ы. – «Это мой дом» (чукотск.)	407

Глава 1

Етти! Гым тыпкиргъэк Петроградгыпы. —
«Здравствуйте! Я приехал из Петрограда»
(чукотск.)

Ах, эта безбрежная, неиссякаемая, живая и текущая романтика дальней дороги! Неумолчный перестук вагонных колёс, станции и полустанки, высоченные арки мостов, горы и долины, реки и озёра... Удивительная Сибирская железная дорога — позвоночный столб огромной страны, её вены и нервы. Могучие и величественные цеппелины — небесные киты, раздвигающие боками облака. Упрямые пароходы, перекатывающиеся по волнам, дерзко плюющие в облака дымом и пеплом из высоких труб, бросающие вызов холодным ветрам и штормам. Прекрасное, ни с чем не сравнимое, чудесное чувство.

Так думала Антонина Фёдоровна Бересклет два месяца назад, когда простилась с семьёй на Московском вокзале родного Петрограда и отбыла в дальнюю дорогу: почти в половину кругосветного путешествия к месту будущей службы.

И в первом поезде, который вёз девушку из столицы в Первопрестольную, она всё ещё лелеяла эту юношескую мечтательность, рождённую прочитанными книгами и больше приличествующую нежной институтке, а не молодому специалисту, каковым Ан-

тонина полагала себя вполне правомерно. Стоило бы проявить немного сдержанности, но предвкушение чего-то большого, интересного и важного застило глаза и бередило разум, рисуя будущее яркими красками.

Осознание настигло девушку где-то за Челябинском, когда позади остались несколько дней пути и Европа, а впереди расстелились неизвестность, неопределённость и бескрайняя Азия. Романтики паровозной дороги, даже с приличным купейным билетом, хватило лишь на пару-тройку ночей, и растянуть её на две с лишком недели не вышло.

Стук колёс тревожил и мешал спать. Невозможность принять ванну нагоняла тоску. А понимание, что всё это только начало, окончательно вводило молодую путешественницу в грех уныния.

Будь у Бересклет возможность и мужество, она бы сошла с поезда уже в Омске и возвратилась домой, но чувство долга и ответственность, которые, взамен погибших в пути мечтаний, вели вперёд, не позволили так просто принять трудное решение. Дорога продолжала влечь Антонину, впервые в жизни покинувшую родной город, всё дальше и дальше на восток. Короткие передышки и дни отдыха на перевалочных станциях, в ожидании пересадки или улучшения погоды, достаточно восполняли силы, чтобы их хватало вновь и вновь подниматься на ноги.

По иронии судьбы или божьему провидению, минуты наибольшей слабости, когда порыв мог бы столкнуть её с избранного пути, приходились на те отрезки дороги, свернуть с которых просто не было возможности, разве что выпрыгнуть в окно, но Антонина так и не дошла до нужной степени отчаяния.

Опаснее всего приблизилась Бересклет к грани невозвращения в самом конце дороги, когда пароход от Петропавловска до Ново-Мариинска попал в жестокий шторм. И без того мучимая морской болезнью, здесь девушка всерьёз допустила мысль, что смерть — единственное возможное избавление от страданий. В её утомлённом качкой сознании не осталось уже ни страха гибели, какой обуял непривычную к морским прогулкам Антонину в первые часы на борту почтового парохода «Северный», ни надежды на лучшее или хотя бы уменьшение ветра. Отчего-то сильный дар жівниці¹, обеспечивавший её отменное здоровье, пасовал перед морской качкой.

На удивление, пароход с самого начала страшил её куда больше цеппелина. Там высота вызывала лишь восхищение и приятный трепет, а здесь от одного только вида сине-зелёных волн, совсем не похожих на серую жатку родного залива, делалось не по себе. Как знать, может, за то и мстило ей море? Спросить кого из бывалых, — он бы, несомненно, подтвердил, что в этом причина бед, стихия не прощала пренебрежения. Но Антонина не спрашивала, только корабельных суеверий ей не хватало! Спасибо, не ворчали про беду, которую приносит на борт женщина.

Первой от рокового шага сдержала досада: обидно сдать на самом излёте пути, когда позади тысячи вёрст, а впереди — всего несколько часов. Второй —

¹ Ж і в н и к и — люди, наделённые даром непосредственно влиять на живых существ, чаще всего — других людей. Именно они являются целителями, способными лечить наложением рук.

Сохранено традиционное написание через і («и десятичное», читается как «и»).

мысль о том, что нужно выбраться из крошечной пассажирской каюты и одолеть путь к палубе, трудный не столько морально, сколько физически: стены и пол то и дело менялись местами, и Антонина не представляла, как в подобных обстоятельствах вообще можно ходить.

Потом, конечно, и иные резоны вспомнились, но уже позднее, когда минута слабости осталась позади: буря, терзавшая «Северный» без малого трое суток, в какой-то момент внезапно стихла. Не прекратилась вовсе, но волны столь заметно уменьшились, что Антонине в первое мгновение почудилось: морская гладь перестала удерживать крошечную металлическую скорлупку, и та прямо сейчас идёт ко дну. Нахлынувшую было панику спугнул гудок парохода, от которого вздрогнули стены. И Бересклет запоздало осознала: стихла одна лишь качка, а прочие признаки жизни корабля — гудение, пощёлкивание, мелкая дрожь — остались. Облегчённо выдохнув, девушка решительно отправилась к выходу — выяснять, что случилось.

И на пороге своей каюты она едва не столкнулась с помощником капитана. Тот спустился предупредить немногочисленных пассажиров о скором прибытии: от ветра «Северный» укрылся в Анадырском лимане, отсюда уже виднелись берег и конечная цель путешествия — Ново-Мариинск, сердце далёкой и загадочной земли Чукотки.

Бересклет не нашла сил по-настоящему обрадоваться. После изматывающей дороги она ощущала себя выжатой и вымотанной, словно клоч сорванных гребным винтом водорослей, вынесенный на берег и выбеленный солнцем. Мало того что последние несколько дней Антонина провела без еды, так ещё и почти без

сна — это стало последней каплей. Наверное, ещё пара дней, и девушка умерла бы прямо на своей койке от усталости и безнадёжности.

Савченков Александр Александрович, строгий и сдержанный мужчина с седыми усами и светло-серыми, глубоко посаженными глазами под козырьком форменной фуражки, стал для Антонины спасением в сложном пути на пароходе. Он взял неопытную и заметно вымотанную долгой дорогой девушку под крыло, едва услышав, что она впервые на корабле, и, больше того, едет аж от самого Петрограда. Без его мягкого отеческого упорства Антонина не нашла бы в себе воли хоть иногда что-то есть и выбираться подышать. Студёный, крепкий морской ветер насквозь пробивал её плащ, но на свежем воздухе становилось легче.

Сан Саныч, как его называли решительно все, в дороге ворчал о безалаберности и горячности молодёжи, делился мыслями о том, как бы воспитывал Антонину, будь та его дочерью, но это выходило столь беззлобно и сочувственно, что девушка даже не пыталась объясниться и оправдаться, а лишь смиренно благодарила за заботу.

В шторм Бересклет не видела Савченкова, команда была слишком занята, и отчасти поэтому из еды обходилась лишь сухими безвкусными галетами, осиливая хорошо если пару в сутки. Впрочем, даже упорство этого достойного во всех отношениях человека не заставило бы её съесть больше.

— Собирайте вещи, барышня, час-другой — и пристанем, — подытожил Савченков короткое объяснение. — А как соберёте — пришлю кого-нибудь из

матросов, чтобы помог с чемоданом. Хоть он у вас и маленький, но не вздумайте ещё своими руками таскать!

— Спасибо большое, Сан Саныч! — Антонина вымучила улыбку, и помощник капитана, конечно, заметил это усилие.

— И понесла же вас нелёгкая на край земли! — Он укоризненно качнул головой, но задерживаться дольше не стал, постучался в следующую каюту.

Бересклет, увлечённая своим возмутительно упорным и не поддающимся лечению недугом, так и не познакомилась с четырьмя попутчиками и слышала о них только от Савченкова. Кажется, мужчина средних лет из соседней комнаты был учёным и плыл в эти глухие места по исследовательским делам. Помимо «верхних» пассажиров, занимавших отдельные каюты, на «Северном» плыли ещё два десятка человек — рабочие на шахту, но жили те с матросами где-то внизу, и никого из них девушка даже не видела.

Геройствовать и тащить на палубу громоздкий чемодан Антонина вряд ли стала бы даже без строгого внушения Сан Саныча: самой бы пробраться по узким крутым лестницам без потерь! Так что она со всей возможной аккуратностью сложила немногочисленные пожитки, которые успела достать за время пути, неожиданно долго провозилась с приведением в порядок одежды и в попытках аккуратно прибрать волосы, не мытые с самого берега, и всё же двинулась к выходу, чтобы взглянуть на место своей будущей жизни.

Шторм закончился, отчего перемещение по коридорам парохода перестало требовать ловкости и проворства опытного эквилибриста, палуба лишь едва заметно покачивалась под ногами, и это принесло громадное облег-

чение. Удручающий мучительный недуг отступил и затаился, Антонина вздохнула почти свободно и на открытýй воздух выходила с чувством облегчения и вновь проклянувшейся робкой надеждой на лучшее: долгий путь почти окончен, и впереди если не благолепие и успешная интересная работа, каковые она рисовала себе в самом начале, то хотя бы отсутствие необходимости куда-то ехать и твёрдая почва под ногами. И тогда эти мелочи казались достаточными условиями для счастья.

Ветер бил в корму, «Северный» шёл малым ходом, так что на баке, передней части палубы, было почти неплохо, если оставаться недалеко от надстройки и прятаться за ней. Ближе к носу наверняка дуло куда сильнее, но Антонину это не заботило, она бы и в штиль не отважилась сильнее приблизиться к борту.

Дождь оставил свои следы на мокрой палубе, заполнив лужицами каждую мелкую ямку и щёлку, но теперь перестал. И небо, хотя и хмурое, выглядело высоким и достаточно светлым, что давало надежду на скорое прояснение. Привычная к такому в родном Петрограде, сейчас Антонина тем не менее разглядывала пейзаж с растущей тоской, а вера в лучшее зачала, так и не сумев толком проклянуться.

Ближний берег, докуда хватало глаз, был мокрым, плоским, ржаво-зелёным и серо-бурым, если не считать невнятных белых проплешин, отсюда больше похожих на остатки лежалого снега. В отдалении, в дымке, равнина вспухала одинокими кочками холмов. «Сопки» — всплыло в голове подходящее слово, почерпнутое невзвесть где. Дальний берег впадавшей в лиман реки был горист и обрывист, но едва ли по-настоящему высок.

Может быть, окажется путь менее долгим, его последняя часть — более спокойной, а погода сегодня — солнечной, Антонина сумела бы оценить суровую и сдержанную красоту этого места. Может быть, но вряд ли, потому что от вида Ново-Мариинска хотелось одновременно рыдать и смеяться: назвать это поселение городом мог лишь уроженец дальнего скита, отродясь не видевший больше десяти домов рядом.

Путешественница насчитала пять или шесть каменных зданий в два-три этажа, над одним из которых возвышалась металлическая мачта — неужто беспроводной телеграф в этой глуши? Блестела куполами пара церквей — ближняя, побольше, с малой звонницей, тоже из камня, и дальняя крошечная часовенка, отсюда только купол и видать. Всё остальное — неширокая россыпь чёрных избушек на курьих ножках. На дальнем берегу тоже стояли постройки, но совсем немногочисленные.

Сколько человек здесь жило? Тысяча? Едва ли больше.

И сразу стала понятна щедрость, с какой ей положили не только жалованье, но и согласились оплатить дорожные издержки. Потому что кто в здравом уме поедет на этот край мира? Только святой подвижник, вдохновенный энтузиаст-бессребреник или тот, кто отчаянно нуждается в деньгах. Первых двоих, очевидно, найти не сумели, пришлось раскошелиться.

Но теперь Антонину занимал иной вопрос: кому вообще в этой глуши мог понадобиться специалист её профессии?! Разве что какому-то чиновнику для галочки и для порядка, поскольку — положено...